СЕТЕВЫЕ СТРУКТУРЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Посвящается 25-летию Института философии и права Уральского отделения РАН

УДК 324

Д.С. РЫЖИЙ

В современной политологической литературе довольно часто муссируется идея о том, что время бюрократических организаций уходит в прошлое. На смену традиционным иерархичным, неповоротливым и закостенелым организациям приходит время сетевых структур. Действительно, под воздействием новых информационных технологий и средств коммуникации в экономической, политической, социальной и духовной сферах общества происходят серьезные изменения – формируются разнообразные сетевые структуры. Считается, что в начале XXI века эти изменения стали носить необратимый характер. «Внедрение сетевых практик в управление вызвано ограниченной эффективностью традиционных вертикально интегрированных управленческих систем по реализации поставленных целей и невозможностью учета интересов многих акторов процесса. Особенно отчетливо эта тенденция просматривается в Европе, где отмечается рост влияния сетевых структур на принятие политических решений Европейского Союза», – считает А.Г. Заббаров [6, с. 5].

Да, при определенных условиях, политические организации создают свои сети или включаются в сетевые структуры регионального, федерального или глобального уровня. Но при объективном анализе можно заметить и другой процесс, когда самоорганизующиеся сетевые структуры стремятся институализироваться и превращаются в типичные бюрократические организации. Эти встречные процессы трансформации сети и организации нам представляются очень интересными, они требуют серьезного научного анализа. Особый интерес вызывает анализ диалектической взаимосвязи сети и организации, которая обостряется в условиях электоральных политических процессов, когда политическая система становится неустойчивой и возникает больше, чем обычно, альтернативных вариантов ее развития. С появлением сетевых структур и сетевых электоральных технологий данная проблематика становится весьма актуальной в современной политологии.

Хотя практика изучения особенностей возникновения и функционирования сетевых структур в политической сфере в отечественной науке носит пока фрагментарный характер, следует отметить рост популярности к изучению природы сетевых структур и сетевых технологий. На данный момент одним из крупнейших исследователей этого направления является Л.В. Сморгунов, обобщивший целый ряд определений категории «политическая сеть», представивший собственную трактовку [12]. С точки зрения использования методов политической коммуникативистики в сетях и понимания других сетевых взаимодействий привлекают исследования А.А. Дегтярева. Он обратил внимание на интересы и особенности коммуникации участников сетевого взаимодействия, актуализировав вопрос о внутренней структуре политико-управленческих сетей [4]. Существенный вклад в исследование сетевых структур внесли работы О.Н. Фомина. О.Н. Фомин предложил рассматривать сети как особую форму политических отношений, наряду с властвованием, управлением, регулированием и политическим менеджментом [14]. Таким образом, проблема сетевых структур для политологических исследований, если судить по количеству научных публикаций, стала представлять существенный интерес.

По мнению С.В. Чистякова: «Основные принципы функционирования сетей выявили К.Кук и Р. Эмерсон» [17]. Они считали, что «сети принимают множество форм: они могут быть централизованные и, подобно бюрократической структуре, выстроены иерархическим образом, подчиняясь доминирующей организации; могут быть сегментированы по нескольким более или менее иерархизированным кластерам или же лишены организации и даже вовсе фрагментарны – как это происходит в отраслях с высоким уровнем конкуренции. Разнообразие этих структур важно как для выживания отдельных организаций, так и для объяснения моделей организационного поведения» [15, с. 25]. Но если принять такой подход, то на наш взгляд возникает резонный вопрос, чем сеть отличается от организации?

Анализируя современные тенденции в управлении, М. Стрежнева пишет: «Интеграция национальных экономик в глобальное экономическое пространство, создание международных организаций, регулирующих не только международные отношения, но и внутригосударственные вопросы стран-участниц, обусловило трансформацию системы управления. В начале XXI века все очевиднее наблюдается отход от традиционной государственнической модели управления, в которой центральная роль принадлежит правительству, распоряжающемуся огромными ресурсами, к переговорной сетевой модели» [13]. Сетевые структуры активно возникают в экономической сфере, они пришли в политику и в духовную жизнь общества. Сетевые структуры мягко, ненавязчиво опутывают все общество и меняют социальное бытие. М. Кастельс уверяет нас, что наше «общество становится сетевым» [9].

Как отмечает О.Н. Фомин: «В новой управленческой модели интеграционные институты из командной инстанции превращаются в партнера и медиатора, выступают в качестве посредника в переговорах между национальными правительствами, общественными объединениями, выразителями интересов социальных групп и отдельными гражданами» [14, с. 23]. Сетевые структуры, в условиях информатизации общества, становятся существенным инструментом влияния на политические процессы и даже могут порождать свою разновидность власти. Особенно хорошо это проявляется в электоральных процессах. Сама процедура выборов приводит политическую систему в неустойчивое состояние. В таком состоянии политическая система становится неравновесной, стихийным образом возникает множество сценариев ее развития, и чем ближе выборы, тем больше степень хаотизации и неопределенности может возникнуть. Именно для управления в условиях хаоса и нестабильности, когда ситуация меняется очень быстро, а выбор не предопределен, и нужны ресурсы сетевых структур.

Сегодня сетевая управленческая модель считается наиболее эффективной, и многие исследователи предполагают, что она будет доминировать в будущем. «Перед современными государствами встает выбор: или интегрироваться во всеобщее коммуникационное поле, активно участвовать в деятельности международных организаций, ограничивая тем самым свой суверенитет, либо полностью изолироваться, сохранив полноту власти и мобилизационные возможности национального государства индустриальной эпохи. Однако второй вариант не гарантирует стабильности политической системы, поскольку сети могут и выступают как явления экстерриториальные и служат проводниками инициатив и интересов различных политических акторов. Им удается преодолевать территориальные ограничения и, как следствие, нивелировать возможность воздействия на них территориально организованных органов власти», – подчеркивает А.Г. Заббаров [6, с. 7].

Уже является признанным фактом то, что применение современных интернет-технологий позволяет практически мгновенно мобилизовать значительные группы людей. Использование при этом протестной риторики способно создать серьезную угрозу даже для вполне стабильных политических систем и режимов. Глобальные компьютерные сети и современные мобильные коммуникационные технологии сделали население всех стран открытым и доступным для такого воздействия. Подтверждением тому служат массовые акции протеста в Молдавии и Иране в 2009 году, в странах Северной Африки в начале 2011 года [1; 5; 8], организованные с использованием высокотехнологичных электронных средств в крупных интернет-сетях молодежью Туниса и Египта [7; 16].

Еще одним примером использования сетевых технологий можно считать выступления российской несистемной оппозиции на Болотной площади в Москве в декабре 2011 года и первой половине 2012 года. После попыток проведения различных цветных революций: «революции роз», «оранжевой», «финиковой», «белой» в политическом дискурсе появились такие понятия, как «political networks» (политические сети), «сетевая революция», «twitter-революция», «кибер-диссидентство» и т.п.

Таким образом, считается, что «глобальный политический процесс, характеризующийся распространением горизонтальных связей между субъектами политики, приводит к значительным изменениям институциональной составляющей политической системы суверенных государств, в том числе Российской Федерации» [2]. Акторами политического процесса становятся не только традиционные политические институты, но и неполитические сетевые структуры. Сетевые структуры прямо или опосредованно участвуют в разработке и принятии политических решений и существенно влияют на электоральные процессы.

Так уходит ли время бюрократических организаций в прошлое? Наверное, еще нет. Организации остаются пока самой эффектив-

ной управленческой формой и в экономике, и в политике. Макс Вебер назвал бюрократическую организационную структуру «рациональной», поскольку предполагал, что решения, принятые бюрократией, имеют под собой неличностный объективный характер. Бюрократическая организационная структура характеризуется высокой степенью разделения труда, развитой иерархией управления, цепью команд, наличием многочисленных правил и норм поведения персонала и подбором кадров по их деловым и профессиональным качествам [3].

Бюрократию часто называют традиционной организационной структурой. Большинство современных организаций представляют собой именно такой вариант бюрократии. «Причина столь длительного и широкомасштабного использования бюрократической структуры состоит в том, что ее характеристики еще достаточно хорошо подходят для большинства промышленных фирм, организаций сферы услуг и всех видов государственных учреждений. Однако бюрократические структуры подвергались и критике за их неспособность к внедрению новшеств и отсутствие достаточной мотивации сотрудников» [3].

Недостатки бюрократических организаций были замечены давно. Одно из важнейших критических замечаний было сформулировано американским социологом Р.К.Мертоном. По его мнению, «трудности, возникающие в бюрократических структурах, связаны с преувеличением значимости стандартизированных правил, процедур и норм, обеспечивающих надлежащее выполнение сотрудниками своих задач, выполнение запросов других подразделений этой организации, а также взаимодействие с клиентами и общественностью. Это приводит к тому, что организация утрачивает гибкость поведения, поскольку все возникающие здесь вопросы и проблемы решаются исходя из прецедентов. Постепенно тщательный поиск альтернатив начинает сокращаться» [11, с. 74]. Отрицая этот недостаток бюрократических организаций, появилась новая форма – сетевая структура.

Анализируя сильные и слабые стороны организации, мы должны помнить, что исследовать организации невозможно в отрыве от их жизненного цикла и тех внешних условий, в которых они существуют.

Сегодня на развитие организаций влияют два взаимосвязанных фактора, определяющие условия их существования:

во-первых, информатизация общества, основанная на тотальном внедрении компьютерных систем и развитии Интернета;

во-вторых, глобализация как фактор всеобщей интеграции национальных экономических, политических, социальных процессов в единое мировое пространство.

Эти факторы стали основными для появления сетевых структур. Они же влияют и на возникающую взаимосвязь сети и организации, в зависимости от жизненного цикла последней. Как правило, бюрократические организации начинают включаться в сетевые структуры или создавать собственные сетевые структуры на этапе своей зрелости и могущества, с целью освоения и захвата новых рынков влияния. Но часто сетевые структуры возникают в процессе деинституталиации организации, когда организация предчувствует свой упадок и начинает искать новые формы своего дальнейшего существования.

Необходимо подчеркнуть общее и отличие между сетью и организацией.

Если бюрократические организации более формализованы, то структуры, созданные по сетевым принципам, более содержательны, процессы в них не зарегулированы правилами.

Если бюрократические организации более устойчивы, то сетевые структуры менее устойчивы, спонтанность сетевых структур очевидна, связи в них носят случайный и высокомобильный характер.

Если бюрократическая организация строится по принципу иерархичной пирамиды, где господствуют вертикальные связи, то в сетевых структурах нет иерархии, там царят равенство и свобода, их существование основано на принципе доминирования горизонтальных связей.

В начале XX века немецкий социолог Макс Вебер разработал концепцию рациональной бюрократии. Он выделил ее основные признаки:

– иерархичность уровней управления, строгая подчиненность и контролируемость вышестоящим нижестоящих;

– четкое разделение труда, что приводит к росту профессионализма каждого специалиста;

– дух формальной обезличенности, с которым официальные лица выполняют свои должностные обязанности;

– наличие системы обобщенных формальных правил, функционала и стандартов, обеспечивающих скоординированность различных задач и однородность выполнения сотрудниками своих обязанностей;

– осуществление найма на работу в строгом соответствии с уровнем образования и квалификационными требованиями [3].

Классические иерархичные системы (организации) были и будут эффективны при линейных и стабильных процессах. Когда функционирование политической жизни общества становится хаотичным, сложным и порой непредсказуемым, иерархичные бюрократические политические организации, теряя свою эффективность, начинают создавать и использовать сетевые структуры, которые делают функционирование организации более эффективным в сложных, неравновесных, стохастичных процессах. Следовательно, установление сетевых взаимодействий – это стремление увеличить эффективность организации и уменьшить неопределенность в ситуации, когда результат деятельности не ясен.

Часто в условиях открытых, сложных, нелинейных, хаотичных процессов сетевые структуры возникают сами по себе – они самоорганизуются, с целью внутренней саморегуляции более сложной системы. В этом случаи самоорганизованные сетевые структуры стремятся к институтализации, и они могут перерастать в юридически оформленные организации, имеющие признаки политического института. Такое «всхлапывание» в сетях мы можем наблюдать при смене политических режимов или во время любых революций, когда сетевые структуры превращаются в устойчивую форму – политическую организацию.

По аналогии с М. Вебером мы можем выделить основные признаки сетевых структур, соответствующих тем, которые возникли в начале XXI века:

– отсутствие иерархии в управлении, самостоятельность, основанная на личной свободе и ответственности;

– спонтанность в создании творческих групп, инициатива и креативность в политической деятельности;

– содержательность в отношениях и забота о деловой репутации, лидером становятся лучший среди равных участников сети и часто это ситуационные лидеры;

– отсутствие формальных правил функционирования сетевой структуры, можно подключаться или выходить из нее по собственному желанию, все строится на принципах самоорганизации, главным критерием является эффективность в решении политических задач;

– возникает понятие «удаленное рабочее место» и отсутствие найма на работу в соответствии с уровнем образования и квалификации, главным становится наличие знаний и компетенций.

При создании сетевых структур политические организации опираются на опыт функционирования финансовых и торговых сетей, которые уже не одно десятилетие существуют на рынке. «При сетевом принципе организации межфирменного взаимодействия централизованное управление производственной деятельности отсутствует. В то же время фирма-лидер осуществляет координацию планов и текущей деятельности входящих в соглашение фирм, а также организует обмен информацией. Таким образом, в определенной степени удается соединить два противоположных принципа – конкуренцию и кооперацию. Сеть представляет собой достаточно гибкую структуру, позволяющую входящим в нее фирмам конкурировать между собой, привлекать в необходимых случаях новых партнеров и вместе с тем организовывать и координировать деятельность своих членов» – считает С.В. Чистяков [15, с. 78].

В условиях современных электоральных процессов практически все политические организации (партии, общественные организации и движения) создают сетевые структуры, которые формально не связаны с ними, но функционируют в соответствии с их политическими целями и задачами. «В условиях сетевых соглашений границы между структурными элементами не являются столь жесткими, как при других формах взаимодействия (например, на основе иерархии). Причем усложнение и упрочение связей еще более размывается и без того нечеткими границами между элементами. Этот процесс получает дополнительные импульсы благодаря совместному использованию информации, которая является общим достоянием членов сети», – подчеркивает в своей работе С.В. Чистяков [15, с. 78]. Именно информационная инфраструктура сети становится во многих случаях базой, на которой затем формируются политические сети (political networks).

Необходимо подчеркнуть, что все сетевые структуры и сетевое взаимодействие пронизано персонализацией и индентификацией связей. В сетевой структуре все участники совместной деятельности имеют возможность прямого контакта друг с другом и могут осуществлять внутригрупповые взаимодействие и обмениваться информацией в режиме on-lain. Основой, скрепляющей элементы сетевой структуры, могут быть общие политические цели, заинтересованность в результатах совместной деятельности, даже симпатии друг к другу. Работа в сетевой структуре создает дополнительную мотивацию, возможность идентификации и чувство удовлетворения и оказывает влияние на сознание участников. Сеть также является стимулом для раскрытия творческого потенциала сотрудников, их креативности и инициативы.

Сетевая организация политической деятельности, в условиях электоральных процессов, требует нового подхода к стилю руководства и нового мышления политических руководителей: речь идет об отказе от всестороннего контроля, переходе к неформальной координации, взаимному доверию. Сетевая политическая деятельность руководителей сводится к ведению переговоров, к установлению связей, обмену информацией в сетевой структуре и привлечению новых партнеров исходя из их репутации и политических взглядов. Ведение переговоров и процесс согласования интересов облегчаются по причине наличия конкретных общих политических целей и задач, идентификации ценностей и опыта совместной политической деятельности.

Сетевая структура способна объединить теоретически бесконечное число организаций, относительно самостоятельно реализующих общий политический проект (например, участия в выборах). При создании сетевой структуры вхождение новых организаций в интегрированную сеть и выход из нее делается более легким, чем при традиционном подходе, так как участники в силу специфики взаимодействия более независимы и могут территориально находиться далеко друг от друга и организаторов-лидеров. Сетевые структуры обладают большой степенью гибкости и быстро приспосабливаются к меняющейся политической ситуации. Над ними не довлеет вопрос о жизненном цикле своего существования.

Политические процессы, протекающие в России последние 25 лет, привели к значительной активизации граждан, к развитию общественной инициативы и созданию нескольких десятков тысяч самостоятельных общественных объединений, призванных аккумулировать и выражать групповые общественные интересы, представлять их в публичном пространстве и организовывать защиту и реализацию этих интересов. Многие из этих самостоятельных общественных объединений вовлекаются в сетевые структуры, и этот процесс становится тем более активным, чем ближе выборы.

Специалисты отмечают, что «для сегодняшнего этапа существования гражданского общества характерна организация сетевого взаимодействия и, как следствие, закрепление его в функционирующих сетях. Применение сетевых принципов в деятельности общественных объединений отражает общую тенденцию внедрения сетевых практик в различные сферы» [10] и во многом обуславливается их внутренним динамизмом, готовностью к апробации новых организационных и управленческих схем для достижения стоящих перед ними целей, позволяет расширить степень участия общественных объединений в процессе выработки и принятия решений по общественно-значимым вопросам.

Процесс создания сетевых структур, а также формирования общих принципов их функционирования имеет двойственную природу. Он наполняется действиями как самих общественных объединений, так и разнообразных (отечественных и зарубежных) политических акторов, выступающих создателями и участниками сетей и обеспечивающих их необходимыми ресурсами. Недооценка значимости сетей как структурного элемента политической системы приводит к ограничению возможностей по анализу и прогнозированию развития ситуации и, как следствие, управляемости политическим процессом. Данный тезис подтверждают события на Манежной площади в 2010 г. и Болотной площади в декабре 2011 и начале 2012 года города Москвы, когда «выработка решения, согласование действий, определение точек сбора и способов связи происходил в Сети в результате коммуникации большого количества людей без выраженного управляющего центра» [2].

Эти тенденции свойственны всем развитым странам, а не только России. М. Кастельс и Э. Киселева отмечают: «Новая социальная структура в виде сетевого общества, характерная для большей части планеты, основана на новой экономике. Эта экономика капиталистическая, но речь идет о новом виде капитализма, информационного и глобального. Другими словами, знания и информация становятся ключевыми источниками производительности и конкурентоспособности, этих двух решающих факторов любой экономики. Генерирование знания и информационные технологии зависят от доступа к соответствующей технологической инфраструктуре, а также от качества человеческих ресурсов, от их способности управлять новейшими информационными системами. Глобализация связала воедино все центры экономической активности во всех странах, даже если большинство видов деятельности, рабочих мест и людей все еще остаются национальными и локальными. Экономики всех стран зависят от глобальных финансовых рынков, международных связей в области торговли, производства, управления и распределения товаров и услуг» [10]. Сетевая форма организации экономической деятельности открывает возможность реализации влияния не напрямую, а опосредованно, как бы без формализованных и закрепленных в каких -либо документах властных функций.

Следовательно, сетевые взаимодействия сокращают трансакционные издержки политических акторов в условиях неопределенности и неравновесности внешней среды. Значимость межличностных связей в рамках сетевой структуры обуславливается и новым, коллективным характером принятия решений. Люди обмениваются идеями, совместно вырабатывают новые подходы к решению проблемы. Инициатива в среде сетевого взаимодействия зарождается в командах в процессе коллективных действий людей, работающих над новой идеей или участвующих в электоральном процессе. Результат достигается не одним человеком, а эффективными усилиями многих. В условиях сетевой структуры чье либо персональное руководство процессами теряет свое значение, сетевая структура организационно неустойчива, размыта и состоит из множества проектных групп, которые сами определяют для себя задачи и способы их решения. Сетевое управление строится на методах и принципах функционирования синергетических систем.

Итак, сделаем ряд выводов:

во-первых, информатизация и глобализация стали определяющими факторами, влияющими на существование традиционных политических организаций. Эти факторы стали основными для появления сетевых структур. Они влияют на взаимосвязь сети и организации, в зависимости от жизненного цикла организации;

во-вторых, сетевые структуры, как правило, создаются организациями для более устойчивого собственного развития и достижения своих политических целей, в условиях неопределенности и больших рисков;

в-третьих, сетевая структура представляет собой информационное пространство, в котором осуществляется взаимодействие политических организаций и других политических акторов, а также определенные действия: координация, обеспечение ресурсами и выстраивание связей между акторами;

в-четвертых, влиятельные сетевые структуры могут самоорганизоваться и институтализироваться в организации, при условии признания их государством;

в-пятых, в условиях электоральных процессов, когда уровень неопределенности очень высок, все политические организации ориентированы на создание сетевых структур. Благодаря созданным сетевым структурам, с помощью сетевые технологий мягкого политического влияния, появляется возможность корректировать электоральные процессы для достижения желаемых политических целей.

1. Африка и Ближний Восток – умерщвление Европы [Электронный ресурс]. URL:http: //www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/ (дата обращения: 16.05.2013).

2. Бобрышев, О., Федоренко М., Манежная площадь. Что дальше: перезагрузка системы или чрезвычайное положение? [Электронный ресурс] / О. Бобрышев, М. Федоренко. URL: http://www.u-f.ru/Article/analitika/637328 (дата обращения: 16.05.2013).

3. Вебер М. Избранное. Образ общества / пер. с нем. М.: Юрист, 1994.

4. Дегтярев, А.А. Методологические подходы и концептуальные модели в интерпретации политических решений (II) [Текст] / А.А. Дегтярев // Полис. 2003. № 2. С. 169.

5. Дугин, А. Исламскому миру сорвали резьбу [Электронный ресурс] / А. Дугин. URL: http://rus.ruvr.ru/2011/01/29/41697272.html (дата обращения: 16.05.2013).

6. Заббаров, А.Г. Сетевые структуры общественных объединений в современном политическом процессе [Текст] / А.Г. Заббаров: Автореферат дис…. канд. полит. наук. Саратов, 2011. 24 с.

7. Иванченко, П. «Сетевая революция» вне плана [Электронный ресурс] / П. Иванченко. URL: http://bg-znanie.ru/article.php?nid=10642 (дата обращения: 16.05.2013).

8. Корнилов, А. Финиковый rev.com. Спор о революции [Электронный ресурс] / А. Корнилов. URL: http://www.russ.ru/pole/Finikovyj-rev.com (дата обращения: 16.05.2013).

9. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 495–505.

10. Кастельс М., Киселева Э. Россия и Сетевое общество. Доклад на конференции «Россия в конце XX века», Стэнфорд, США, 05–07.11.1998. / [Электронный ресурс]: URL: http://www.socio.ru/wr/00-1/Castells.htm (дата обращения: 16.05.2013).

11. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА:ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.

12. Сморгунов Л.В. Сетевая методология исследования политики // Полис. 2001. № 3. С. 108.

13. Стрежнева, М. Управление без правительства. Кое-что о традициях руководства Европейским Союзом [Текст] / М. Стрежнева // Европа. Журнал Европейского Союза. 2003. Январь. № 1(24).

14. Фомин, О.Н. Сетевые структуры глобальной власти [Текст] / О.Н. Фомин // Глобализация: проблемы международного сотрудничества и решение общечеловеческих задач. Саратов: ПАГС, 2005. С. 23–30.

15. Чистяков, С.В. Сетевая организационная форма и сетевые экономические отношения [Текст] / С.В. Чистяков // Вестн. Моск. ун-та. Серия 21 Управление (государство и общество). 2012. № 2. С. 78.

16. Энгдаль, У. Египетская революция: «творческое разрушение» для Большого Ближнего Востока? [Электронный ресурс] / У. Эндгаль. URL: http://www.warandpeace.ru/ru/exclusive/view/55198 (дата обращения: 16.05.2013).

17. Cook K., Emerson R.M. Power, Equity, and Commitment in Exchange Net-works // American Sociological Review. 1978 (October). P. 721.